

Личность способна обладать сама собой, быть принципом и началом своих деяний. Подлинное проявление человеческого в личности заключается в способности преодолеть «интерес обладания» по отношению к другим, способности реализовать по отношению к другим возможность благожелательной любви. Совершенная любовь заключается в признании и принятии другого в его инаковости.

Как мы видим, в концепции Х. Арангурена использован весьма широкий спектр европейской философии XX в., причем не только антропологической в узком смысле.

Ключевым понятием, вокруг которого во многом строится вся концепция, является понятие «экс-центрической позициональности» Г. Плеснера. Правда, Арангурен не использует слово «позициональность». Это позволяет ему дистанцироваться от обоснования данного понятия в философско-антропологической теории Г. Плеснера и по существу деконтекстуализировать его. А это в свою очередь создает условия для использования в собственном философско-антропологическом построении, находящемся во многих отношениях в русле аристотелевско-томистской традиции.

Ю.А. Кимелев

2015.03.005. ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ ВОСТОКА И ЗАПАДА / Отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Наука: Восточная литература, 2013. – 357 с.

Ключевые слова: сравнительная философия; философская компаративистика; философия науки и техники; восточная традиция; индийская философия; китайская философия; философская мысль Ислама.

Коллективная монография подготовлена на основе материалов 3-й Московской международной конференции по сравнительной философии, прошедшей в Институте философии РАН 22–25 мая 2012 г. Книга состоит из четырех разделов, в которых представлены статьи философов из России, Великобритании, Индии, Ирака, Ирана, Литвы, Сирии, США, Турции, Франции, ФРГ и Японии.

В предваряющей статье М.Т. Степанянц связывает возрастающую значимость исследований по сравнительной философии с

особенностями современного исторического процесса, поскольку «переживаемое нами время является поворотным, а потому требующим всестороннего и глубокого осмысления в глобальном контексте, т.е. с учетом существующего многообразия культур» (с. 7). М.Т. Степанянц дает аналитический обзор основных блоков проблем, поднимаемых авторами статей. Среди них: взаимоотношения философии и науки в контексте философского осмысления научных открытий и новых технологий; цели и средства культурного диалога; специфика научно-философских традиций Востока; необходимость расширения горизонтов философии и науки в целом. Отдельно отмечается, что «поставленные и обсуждаемые в данном труде общетеоретические проблемы относятся к разряду тех, которые не подлежат краткосрочному решению» (с. 27).

Раздел I. «Общая постановка проблемы взаимоотношения философии науки».

В.С. Степин в своих рассуждениях относительно социокультурного измерения научного познания исходит из того, что наука «не может заменить собой другие формы человеческого познания и всего многообразия культуры» (с. 29). В то же время автономное развитие науки исследователь связывает с особым техногенным типом цивилизации, проект которой в настоящее время реализуется как на Западе, так и на Востоке. Однако характерные для традиционных восточных культур представления о принципиальной неотделимости истины от нравственности сегодня оказывают значительное влияние на формирование нового типа рациональности, утверждающегося в науке. Этот новый тип «имманентно включает рефлексию над ценностями», благодаря чему именно наука сегодня «становится одним из важных факторов диалога культур» (с. 37).

По мнению В.А. Лекторского, философия, имея дело с осмыслением науки, в любую историческую эпоху выстраивает собственную картину мира, поскольку в отличие от науки она решает вопросы, не предполагающие окончательного ответа. Многие «вечные» вопросы приобретают новое содержание в кризисные периоды. Кризис современного общества знания сопряжен с изменением и разрушением многих привычных способов ориентации человека в мире, например с такими проблемами конструирования новой человеческой телесности, как «трансгуманизм» и «иммортализм» (с. 42).

«Философия играет эвристическую роль в развитии естественных наук», – полагает Е.А. Мамчур (с. 47). Современным ученым, скептически относящимся к утверждению о позитивном влиянии философии на конкретные науки, следует обратить внимание на тот факт, что «как бы ни чурались они [ученые] философии, она уже содержится в их теориях, присутствуя здесь в виде метафизических и теоретико-познавательных предпосылок, определяющих направление научного поиска» (с. 49).

Роджер Смит предлагает рассматривать историю взаимоотношений философии и науки через призму дебатов о свободе воли. По его мнению, именно философия задает «альтернативы детерминистской форме науки» (с. 64). Автор статьи оппозиционен научному редукционизму, полагая, что свобода воли вовсе не является чем-то ненаучным.

Мишель Юлен в своей статье пытается оценить на философском уровне развитие современной нейрологии. Достижения когнитивной нейрологии последних 30 лет при первичном приближении призваны «сделать однозначный выбор в пользу материализма либо “физикализма”» (с. 67). Однако «физикализм» представляет собой философский тупик, хотя в нем можно найти и положительные моменты: так, попытки развить материалистические позиции в философии сознания заставили «дуалистические или “духовные” направления мысли сделать шаг в направлении трансцендентного» (с. 75).

Сейид Джавад Мири обращается к центральной теоретической дискуссии современной философии истории, которая, по его мнению, разворачивается между философами модернистского и постмодернистского толка (с. 81). Автор статьи уверен в том, что краеугольным камнем современной философии выступает идея доказуемости, серьезная исследовательская проработка которой способна задать новые перспективы философии науки.

В центре внимания Армин Грунвальд находится оценка техники (ОТ) в контексте ее отношения к философии. Ключевое значение сегодня приобретают следующие нормативные и эпистемологические проблемы (с. 93): 1) охрана человеческой автономии; 2) проблема справедливости в распределении благ; 3) взаимодействия между технологиями и окружающей средой; 4) связь техноло-

гии с жизнью; 5) необходимость иметь дело с неопределенностью наших знаний о возможных последствиях.

Исследуя проблему устойчивого инновационного развития, В.Г. Горохов сравнивает российский и германский опыт. Делается замечание о том, что в отечественной трактовке при планировании ускоренного инновационного развития делается акцент на позитивных аспектах, в то время как возможные негативные последствия становятся определяющими в западных концепциях развития (с. 101).

Раздел II. «Индийские традиции».

Ариндрам Чакрабартти обращается к спорным моментам boundary work («работы по разграничению»). Современная философия науки, определяя границы между наукой и псевдонаукой, скептически относится к так называемому духовному знанию, что, по мнению Ариндрама Чакрабартти, незаслуженно выводит за рамки научных исследований вопросы медиативного познания. «Если наука должна быть знанием, призванным служить во благо человека, ей надлежит обратиться к соответствующим исследованиям сознания и таких его состояний, для которых характерны непатологическая сосредоточенность, умиротворение, беспредметность...», – полагает он (с. 130).

Н.А. Канаева в рамках проведенного анализа отношения науки и философии в традиционной индийской культуре приходит к выводу о том, что здесь «“высшие” метафизические истины выводятся на свехтеоретический уровень» (с. 139). Поэтому какая-либо конфликтность науки и философии в традиционной индийской рациональности отсутствует.

Уделяя внимание вкладу западных индологов (Пауля Хакера, Карин Прейзенданц и Стивена Поллока) в исследование «самих принципов индийского традиционного науковедения» (с. 140), В.К. Шохин также обращается к творчеству средневекового индийского драматурга Раджашекхара, в частности, к науковедческим схемам, разработанным Раджашекхарой в трактате «Кавьямиманса».

В.Г. Лысенко в своей статье раскрывает возможности применения таких важных понятий современного философского и научного дискурса, как «эмерджентные свойства» и «квалия», для исследования и объяснения некоторых положений буддийского

атомизма» (с. 149). В контексте данных категорий раскрыты атомистические концепции ведущих философских школ буддизма (вайбхашики и сутрантики), определена суть их полемики с вайшешиками.

Творческое взаимодействие философии и науки о языке в Индии находится в центре внимания исследователя Малхара Кулкарни. В современной Индии ученые-лингвисты при поддержке правительства предпринимают попытки создания «новейших технологий машинного перевода с одного индийского языка на другой» (с. 162). В этом процессе нередко «задействуется философское понимание лингвистических феноменов», в частности «неоценимую роль играет применение лингвофилософской концепции Панини» (с. 162), на которой Малхара Кулкарни останавливается более подробно.

В целях раскрытия теории науки в древней Индии В.В. Виноградова обращается к исследованию трактата по теории и технологии живописи «Читрасутра» (с. 172).

Вринда Далмия свою исследовательскую работу строит вокруг деятельности Вандава Шивы – экологической активистки, «которая уделяет особое внимание восстановлению традиционного индийского знания, основанного <...> на “принципе *Пракрити*”» (с. 178–179).

Эпистемологические и космологические основания индийской астрологии и астрономии рассматриваются Аудриусом Бенориусом в контексте истории индийской культуры. Многие из «преданных забвению санскритских текстов по астрологии» с точки зрения историков индийской религии и науки представляют собой «автономную концептуальную значимость» (с. 189), что находит соответствующее отражение в статье.

Попытка поиска общей идеи современной физики и буддизма предпринята в работе А.А. Терентьевой. К ней она относит «уяснение ложности обыденных представлений о внутренней самодостаточности явлений и их независимости друг от друга» (с. 203).

Раздел III. «Дальневосточные традиции».

В центре внимания А.И. Кобзева находится проблема соотношения китайской культуры и атомистической теории как одной из важнейших концепций западной научно-философской традиции. С его точки зрения, возникновение буквенного алфавитного письма

в Древней Греции стало необходимой основой для развития атомизма как образца западного мировоззрения. В то время как «в Китае господствовала другая (натуралистическая и холистическая) мировоззренческая традиция, не позволившая самостоятельно сформироваться ни полноценному идеализму, ни атомизму и коррелировавшая со всеильной иероглификой» (с. 221).

С.Ю. Рыков посвящает свою статью школе поздних моистов, уникальность которой состоит в том, что «по многим вопросам она оппозиционна “мэйнстриму” древнекитайской философии» (с. 224). Альтернативная онтология, в частности, раскрывается на примере «продолжателей моистской концепции Сюнь-цзы и Хань Фэй-цзы» (с. 232).

Обращаясь к гендерной проблематике, набирающей в последние десятилетия популярность среди исследователей культуры Китая, И.В. Белая анализирует принципы «женской алхимии», представленные в трактате «Си-ван-му нной сю чжен ту ши цзэ». «Изложенные в нем методы легли в основу оздоровительных практик для женщин <...> – “женский цигун”» (с. 245).

В статье Л.Б. Кареловой раскрыто «развитие естественно-научного знания в контексте японской культуры в начальные периоды ее контактов и взаимодействия с Западом» (с. 246). Выдвигается тезис о том что, изначально «мировоззренческие установки японцев были мало совместимы с философской подоплекой западной классической науки» (с. 247). Само же изучение западной науки в Японии началось с изучения медицины, которая была главной наукой периода Токугава (1603–1868). Отчасти этими особенностями японской интеллектуальной культуры можно объяснить тот факт, что «и сегодня в инновационном развитии доля фундаментальных исследований в Японии уступает США и по многим позициям и странам Европы» (с. 254).

Статья Мицуру Эгути посвящена трагедии 11 марта 2011 г. и аварии на АЭС Фукусима 1, которые, по мнению японского исследователя, привели к серьезным психологическим изменениям в японском обществе, связанным с пересмотром японцами своего отношения к научно-техническому прогрессу (с. 259).

Раздел IV. «Мусульманские традиции».

Галамреза А’авани концентрируется на проблеме вклада исламской философии в философскую компаративистику. В то же

время исследователь признает, что «исламская интеллектуальная история пронизана многими темами спекулятивного суфизма, рационального и догматического богословия, с которыми современный любитель сравнительной философии не будет склонен мириться» (с. 267).

Тауфик Ибрагим в своем исследовании «сциентических» интерпретаций Писания» утверждает, что «исходными принципами здесь преимущественно служат соответствующие установки Корана касательно соотношения веры/религии и разума/знания, получившие развитие в пророческом предании (сунне) и творчестве мусульманских мыслителей классической эпохи» (с. 278). Исследователь останавливается на главных установках: культе знания, рациональности вероучения, законосообразности мира, наместничестве человека (в контексте назначения человека и его миссии в мире), универсализме, свободе интеллектуального поиска, методологическом скептицизме и практической ориентации (в контексте мысли о единстве веры/*иман* и деяния/*'амаль*).

В продолжение темы Мехмет Байрактар отмечает, что «исламская философия в более широком смысле включает в себя чистую философию, теологию (калам), суфизм и исламскую юриспруденцию» (с. 288). Философские школы в исламской традиции Мехмет Байрактар классифицирует следующим образом: рациональная теология (исламское богословие), перипатетическая философия (аль-машшайа), философия озарения (аль-ишракийя) и философия науки.

Н.Н. Ефремова в своей статье отдельно прорабатывает важнейшие аспекты философских воззрений известного мыслителя классического ислама Ибн-Сины (Авиценны), сумевшего гармонично объединить «монотеистический ревелативизм с античной научно-философской традицией» (с. 294).

Анализируя представления о времени в исламе, Герхард Боверинг подчеркивает особую «роль атомизма и прагматические значения календаря» (с. 310). Кроме того, исследователь уверен в наличии в исламском времени определенных параметров, придающих «целостность и структуру его культуре и религии в теории и практике» (с. 311).

В совместной работе Н.С. Кирабаева и М.М. аль-Джанани идет речь о классификации наук в двух подходах классической

арабо-мусульманской философии. К ним относятся: философско-методологический подход, представленный восточными аристотеликами (с. 312), и философско-религиозный подход, рассмотренный в контексте творчества аль-Газали (с. 315).

Философское наследие аль-Газали также находится в центре внимания статьи И.Р. Насырова, который уверен в абсолютной поддержке со стороны аль-Газали рационализма в его борьбе с фидеизмом традиционалистов (с. 328).

В рассуждениях о необходимости восточной науки и мудрости Фетхула Гюлен приходит к выводу о том, что «сегодня, когда не только жизнь, но и мысль чрезмерно овеществилась» (с. 332), человечество особо нуждается в новом прочтении восточной традиции науки и мудрости.

Аднан Аслан в своей статье рассказывает об исламском потенциале межконфессионального диалога на примере деятельности современного общественного деятеля и мыслителя турецкого происхождения Фетхуллы Гюлена. «Фетхулла Гюлен <...> проложил путь для рождения нового богословского языка» (с. 343), уверен Аднан Аслан.

В целом, говоря о трудностях сравнительной философии, иранский исследователь Хамидреза Аятллахи отмечает, что «исторический фон и географическое положение местности, в которой родилась конкретная философская проблема», могут приводить к определенному недопониманию между философскими школами разных парадигм (с. 349), однако, возможности и перспективы компаративистской методологии позволяют нам говорить о востребованности сравнительной философии в дальнейшем.

Н.Н. Емельянова

2015.03.006. ЛИЧЕВ В. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ.

ЛИЧЕВ В. Интерпретация и интердисциплинарность // Философски алтернативы. – София, 2014. – Г. 23, № 6. – С. 117–128.

Ключевые слова: философия; литература; междисциплинарный подход; Барт Р.; Эко У.; Соссюр Ф.; Рикер П.; Лакан Ж.; Бергсон А.; Деррида Ж.; Делез Ж.; Набоков В.

В данной статье поднимается вопрос междисциплинарного характера интерпретации в области литературы, литературоведения